

Кировакан. драм.
т-р им. Абеляна

гастроли по
стране

МОСКОВСКИЕ ГАСТРОЛИ

ДЕТСКАЯ ВЕРА В ДОБРО

«Апрель... апрель», — повторяют сестры в финале спектакля кироваканского театра «Три сестры». На самом краю тоски и безысходности режиссер В. Шахвердян выстраивает целую симфонию надежды. Странная, волнующая, звенящая детскими голосами музыка заполняет пустое пространство сцены. И вместе с ней из того, детского мира появляются три девушки в белых платьях. А эти сегодняшние измученные, в «трауре по своей жизни» смотрят на них, и сердца их озаряются надеждой. Так, немного наивно, но просветленно разрекает театр финал чеховской драмы.

Мотив детства и юности, чистоты и доверия к жизни — один из постоянных в спектаклях кироваканского театра. Воспоминания детства, внезапно вспыхнувшая юношеская страсть властно меняют судьбы героев. Так происходит с героем пьесы М. Бузника «Пол шатается» Мартириным (Р. Хосроев) — пятидесятилетним заведующим кафедрой, который долгие годы жил практически впустую. Но страстно полюбив, он входит в поле высокого духовного напряжения, становится творческой личностью. В подобных сюжетах всегда есть элемент мелодраматический, склонность к которому явно ощутима в спектакле кироваканцев. Спектакль «Пол шатается» мелодраматичен в другом смысле слова — когда педантируются все эмоции, когда театральные страсти льются через край.

Иное — в «Хаосе», поставленном по роману А. Ширванзаде, — одном из лучших спектаклей театра. В романе выделена и подчеркнута традиционно мелодраматическая линия: история двух братьев, которые под влиянием различных обстоятельств полностью изменяются. Смбат — старший (А. Закарян), окончивший Петербургский университет и настроенный весьма демократично, получив в наследство от отца нефтяные промыслы, к финалу с ужасом понимает, как изменили его деньги, как вместе с убеждениями исчезали в нем человеческое достоинство, доброта, порядочность. Душа его младшего брата Микаела (А. Азизян), погрязшего в разврате и кутежах, неожиданно, под влиянием любви, от-

крывается добру и справедливости. Это могло бы оказаться наивным схематизмом, если бы не было связано с главной темой спектакля — темой хаоса. В спектакле В. Шахвердяна судьба семьи связана с большим ходом истории. Сгущена атмосфера финала, завершенности целого исторического периода. Спектакль пронизан ощущением нервного, издерганного ритма конца XIX века.

Деревянные стены, наглухо замкнувшие пространство, вымазаны нефтью (художник Е. Сафронов). Герои словно вязнут в ней. Мерцающие, призрачные огни нефтяных вышек создают ощущение вымороченности всего этого мрачного мира — мира, в котором с легкостью и быстротой происходит нравственное перерождение. Смбат — фигура наиболее сложная в спектакле. А. Закарян играет драму человека, искренне верившего в свою непогрешимость и в результате оказавшегося полным моральным банкротом.

Гастроли продемонстрировали интерес театра к определенной нравственной коллизии. Ее можно описать так: герой живет заботой о внешних обстоятельствах своей жизни — деньгах, славе, власти. Но приходит момент (и он наиболее интересен режиссеру), когда падает завеса и человеку открывается смысл бытия простой и ясный. Потом он может страдать, но знает, что страдание — это возмездие за прошлую слепоту.

Об этом — спектакль по шекспировской хронике «Ричард II». Только тогда, когда Ричард (Р. Хосроев), свергнутый с трона король, освобождается от груза власти, душа его просветляется, обретает гармонию. Хосроев играет Ричарда ярко, почти гротескно. Принадлежащий миру власти и зла, он похож на хищного зверя или птицу, особенно когда с раскинутыми руками по-

висает над убитым Джоном Гантом (А. Закарян). И все-таки королевством владеет не он, а его «волчья стая». Ее злое смех неотступно сопровождает короля. Центральная метафора спектакля — трон, подвешенный на цепях. Цепями владеет кто угодно, только не король. Трон раскачивается над его головой, ему не принадлежит. Впрочем, он не будет принадлежать и его более удачливому политическому сопернику Болингброку (А. Азизян), вокруг трона возникает бесконечная цепь интриг. Истинный же властитель — Время — всем воздает по заслугам. Это главный герой шекспировских хроник, и логично, что в спектакле кироваканцев оно обретает собственный голос. Время (актриса А. Алексанян) — это страстный, но незаинтересованный наблюдатель, глашатай народной мудрости и высшего исторического смысла.

Шекспир — традиционная фигура на армянской сцене, Чехов — довольно непривычная. Безусловно, спектакль «Три сестры» — серьезный этап в работе театра. Но, несмотря на ряд интересных режиссерских идей, его художественный результат мог бы быть выше. Условный язык спектакля не всегда оправдан, порой же откровенно нарочит и груб. Так воспринимается серия «стоп-кадров» в первом акте или русская плясовая, в которую неожиданно-негаданно пускаются семейство Прозоровых и их гости. Многим актерским ролям (Ирина — Г. Межлумян, Наташа — Н. Калашян) свойственны резкость, излишняя прямота рисунка. И все-таки спектакль интересен профессиональным и духовным поиском, который свойствен и «Ричарду II» и «Хаосу».

Когда же театр стремится к внешнему успеху, он теряет масштаб своих раздумий о мире, спектакли превращаются в собрание общих мест и банальных положений.

Думается, что основная причина неудачи «Маскарада» в том, что режиссер В. Шахвердян пошел по пути наименьшего сопротивления, собрав все атрибуты псевдоромантического театра. Основная идея режиссера, идея призрачности, масочности мира, в котором страдает Арбенин (А. Азизян) и погибает Нина (Н. Калашян), выражена чрезвычайно прямолинейно: сцену постоянно заполняют маски-кавалеры и маски-дамы; они подслушивают, подглядывают, просто стоят за портьерами. Порой от массовок так устаешь, что радуешься, когда на сцене остаются только Арбенин и Нина. Их дуэт отличают большая целостность и динамичность, чем все остальные сцены. Но и в нем порой прорывается дурная мелодрама со стенаниями, заламыванием рук, тремоло в голосе.

Но все-таки, помимо техники и мастерства, в любом театре существует душа — его внутренние побуждения и интересы. Душа этого театра — серьезная, думающая. И несмотря на соседство в репертуаре трагической хроники Шекспира с третьесортным водевилем «Берегите мужчин», театр явно продемонстрировал свое стремление к репертуару классическому, проблемному и нашел к нему интересные, своеобразные пути...

В последнем виденном мною спектакле кироваканцев — лирической комедии Н. Месропяна «Сатеник из Парижа» — рассказана история о встрече двух стариков, через всю жизнь пронесших нежное чувство друг к другу и детскую веру в добро. Она сыграна Л. Пашинян и А. Закарянном трогательно и артистично.

Сохранить детскую веру в добро — не в этом ли нравственный пафос Кироваканского драматического театра имени Ованеса Абеляна?..

Алена КАРАСЬ.

СОВЕТСКАЯ КУЛЬТУРА
г. Москва

16-4 АВГ 1987